

Beyond the Boundary of Public Spaces: A Review of the Books in the “Tochka” Series

---

Artur A. Dydrov

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. Email: [zenonstoik\[at\]mail.ru](mailto:zenonstoik[at]mail.ru)
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3288-8724>

Received: 9 April 2025 | Revised: 18 April 2025 | Accepted: 25 April 2025

Abstract

This article examines the non-fiction series “Tochka” [Dot] released by the Publishing House “Ad Marginem”, focusing on its exploration of contemporary public spaces, economics, the Internet, and society. The series, comprising five books, addresses the reconfiguration of traditional boundaries and the transformation of public discourse. First of all, the books offer a special and atypical view of the stable constructs of public spaces. As is characteristic of myths, these constructions are naturalized and seem to be the only possible ones. The study highlights the series’ interdisciplinary approach, which spans anthropology, internet critique, and art history, as well as its emphasis on shifting discursive boundaries. The research reveals that each book in the series challenges established concepts, such as “civilization”, “race”, “capitalism”, “value” by offering alternative perspectives. The findings suggest that the series serves as a conceptual intervention, prompting readers to rethink the naturalized categories and embrace new ways of thinking. This article is intended for scholars and readers interested in critical theory, cultural studies, social sciences, and the intersection of media and society.

Keywords

Public Space; Capitalism; Internet Critique; Anthropology; Media; Discourse; Platform, Network, Boundaries; Non-Fiction

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

По ту сторону границы публичных пространств: рецензия на книги серии «Точка»

Дыдров Артур Александрович

Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет.
Челябинск, Россия. Email: zenonstoik@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3288-8724>

Рукопись получена: 9 апреля 2025 | Пересмотрена: 18 апреля 2025 | Принята: 25 апреля 2025

Аннотация

В данной статье рассматривается научно-популярная серия «Точка», опубликованная издательством «Ad Marginem», посвященный исследованию современных общественных пространств, экономики, Интернета и общества. Серия, состоящая из пяти книг, посвящена реконфигурации традиционных границ и трансформации общественного дискурса. Прежде всего, книги предлагают особый и нетипичный взгляд на устойчивые конструкты публичных пространств. Как и свойственно мифам, эти конструкции натурализованы и кажутся единственно возможными. В исследовании подчеркивается междисциплинарный подход сериала, который охватывает антропологию, интернет-критику и историю искусства, а также его акцент на смещении дискурсивных границ. Исследование показывает, что каждая книга серии бросает вызов устоявшимся понятиям, таким как «цивилизация», «раса», «капитализм», «ценность», предлагая альтернативные точки зрения. Результаты показывают, что сериал служит концептуальным вмешательством, побуждающим читателей переосмыслить натурализованные категории и принять новые способы мышления. Статья предназначена для ученых и читателей, интересующихся критической теорией, культурологией, социальными науками, взаимодействием СМИ и общества.

Ключевые слова

публичное пространство; капитализм; интернет-критика; антропология; медиа; дискурс; платформа, сеть, границы; нон-фикшн

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0

Введение

Актуальная и в данный момент заключительная серия нон-фикшн «Точка» от издательства “Ad Marginem” состоит из пяти книг: «Думай как антрополог» Мэтью Энгельке, «Посткапиталистическое желание» Марка Фишера, «В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет» Герта Ловинка, «Вымышленные библиотеки» Хорхе Карриона и «Публичное и приватное. Архитектура как массмедиа» Беатрис Коломины. Лаконичное издательское превью сообщает, что серия позволит читателю лучше разобраться в устройстве современного публичного пространства, экономики, интернета, общества и т. д. Разумеется, на одном этом основании можно объединить самые различные темы, от антропологии до критики интернета и искусствоведения. Не удивительно, что в формальном аспекте нон-фикшн сериал выглядит искусственным, и его эпизоды не стыкуются друг с другом.

Детальное знакомство с серией позволяет акцентировать внимание на проблематике границ, поскольку во всех пяти книгах публичные пространства анализируются, а затем заново концептуально собираются. При этом реконфигурация устойчивых и привычных конструкций, очевидно, меняет их структуру и границы: мы имеем дело с концептуальной «инъекцией», запускающей необратимые процессы. «Необратимые» для кого/чего? Прежде всего, для мышления, а затем и для семантики, сферы публичных значений. Когда Энгельке призывает «думать как антрополог» (пилотная книга серии), он тем самым призывает и к изменению тезауруса, и к трансформации мышления. Не случайно книга начинается со слова «думай», а не «говори» или «пиши». «Трансформировать» мышление значит здесь по-другому взглянуть на долгоживущие и натурализованные традиционные категории: «цивилизация», «кровь», «раса» кому-то были выгодны, и этот «кто-то» настойчиво повторял и иногда пояснял «естественное» значение этих монументальных концептов. То же касается «естественности» и безальтернативности капитализма и платформ – крупных игроков, обеспечивающих доступ к экономическим благам по первому требованию пользователя. Все без исключения авторы книг серии обходятся без семиотики и даже не используют элементы семиотического подхода; при этом исследования в некотором смысле имеют демифологизирующий потенциал. В одном случае читателю предлагается по-другому посмотреть на архитектуру и отказаться от привычной маркировки типа «музыки в камне», в другом – на социальные сети, где понятие «сети» перестало выражать реальную онтологию и превратилось в симулякр, скрывающий алгоритмическую беспощадность платформ. Каждая из книг по-своему пытается сдвинуть устойчивые дискурсивные границы, конструируя альтернативные концепции того, что уже, кажется, давно «известно».

Структура рецензии идентична очередности выхода книг серии. Помимо обзора и анализа ключевой литературы, используются сторонние научные

источники. Без апелляции к ним трудно было бы уточнить и разъяснить многие содержательные аспекты рецензии.

Мышление антрополога

Серия «Точка» издательства “Ad Marginem” открывается книгой профессора кафедры религиоведения Колумбийского университета Мэтью Энгельке «Думай как антрополог». Оригинальное издание вышло в 2017 году в лондонском издательстве “Pelican Publishing” и называлось “Think like an Anthropologist”. Заглавие издания 2018 года, опубликованного в “Princeton University Press”, было изменено на “How to Think like an Anthropologist”. В российской локализации был сохранен дословный перевод первого названия. Если заглавие варианта 2018 года нейтрально и делает акцент на методологии, способе или технологии мышления, то формат 2017 года фактически содержит сообщение в повелительной модальности. Читателя как будто призывают «думать как антрополог» и в связи с этим провоцируют ответную реакцию: «почему мы должны так думать?». Разумеется, к этому вопросу, стоящему в аксиологическом модусе, добавляется прагматический («зачем» и «для чего») и энциклопедический («что это означает») планы. Ученый, в принципе не прибегающий к суггестивным практикам и методам, должен внятно объяснить, во-первых, что значит «думать как антрополог» и, во-вторых, как и для чего это делать.

Книга состоит из девяти глав, каждая из которых номинирована «монументальным» концептом, имеющим солидные философский и социально-гуманитарный бэкграунды. Энгельке пишет о «Культуре», «Цивилизации», «Идентичности», «Разуме», «Природе». Особого внимания заслуживает повторение в концептуальной матрице автора: одна из глав посвящена Ценностям, а следующая за ней – «Ценности». Заключение «Думай как антрополог» (идентичное заглавию) призвано резюмировать авторский посыл и окончательно поставить точку в ответах на обозначенные вопросы.

По мнению Энгельке, два направления антропологии – социокультурное и лингвистическое – находятся в тесной связи друг с другом. В общем смысле, авторская пропозиция объясняется тем, что социум, культура и язык формируют интегральность, единство, которое чрезвычайно трудно разлиновать. Сам автор не раз повторит, что занимается социокультурной антропологией, и уже хотя бы поэтому «культура» выступает флагманом основного содержания книги. Фундаментальное обоснование выбора приводится после кейса с «крикетом» (“cricket” – сверчок), в котором столкнулись различные языковые значения, а также культурные паттерны. Мыслить как антрополог, в первом приближении, значит осознавать, что нас окружают культурные конструкты, «окультуренный» мир, нередко помещающий человека в зазор / зону разрыва (англ. divorce). Пребывание в разломе, разумеется, не проходит безболезненно, и автор сообщает читателю малоприятную подробность: от предложенного

аборигенами сверчка его буквально вывернуло наизнанку. Эта реакция не была биологической, хотя и задействовала гамму биопроцессов – перед нами сугубо культурная реакция, точнее, шок «окультуренного» человека (Энгельке, 2024, с. 31).

Ссылаясь на Франца Боаса и Клиффорда Гирца (в особенности на второго), Энгельке говорит о культуре как о «тексте», читаемом из-за «плеча» туземца. Естественно, на выходе возникает интерпретация. Антропологию поэтому трудно назвать «экспериментальной наукой», – скорее, «интерпретативной», наукой о значениях и поисках значений (2024, с. 35). Антропология, как и любая другая наука, не возникла в качестве раз и навсегда заданной конструкции. В частности, Энгельке ссылается на исторически раннее направление социального эволюционизма, вдохновленного идеями естественного отбора, цивилизаторства и прогрессизма. Эти идеи, во-первых, позволяли «легко» ранжировать культуры и сообщества, во-вторых, кодифицировали маркеры «дикости» и «цивилизации». По замечанию Энгельке, социальный эволюционизм разительно отличался от дарвинизма как минимум одним тезисом – и это повлекло за собой серьезные мировоззренческие последствия – телеологией эволюции. (До)историческое развитие фундируется аксиологическим субстратом (он буквально подкладывается, согласно этимологии, под эволюционную доктрину). На выходе получается утверждение, в различных вариациях, типа «цивилизованный человек сложнее и лучше».

Автор предлагает начать мыслить как антрополог со следующих простых тезисов: культура выходит за рамки конкретных исторических локализаций и не сводима к топологической принадлежности; столь же очевидно, что она не кристаллизована во времени. Данный тезис относится к категории «проще сказать»: антропологи, по замечанию Энгельке, периодически наступали и продолжают наступать на грабли редукции. Почему книга начинается с «культуры»? Автор, памятуя о дискуссионности данного тезиса, полагает, что нет другого зонтичного понятия, хоть как-то объединяющего оригинальные антропологические конструкты (с. 56).

То же справедливо для «цивилизации» как несущей конструкции антропологических штудий (с. 58). Концепт подвергался атакам, но обладал поразительной устойчивостью. В частности, у Тэйлора цивилизация конституировалась знаниями, верованиями, законами, обычаями, искусством (1939, с. 33). На основании зонтичных критериев в дискурсе классика антропологии общности классифицировались, например, на «отсталые» и «передовые» (с. 33). Цивилизаторский дискурс оперировал и темпоральностью, на десятилетия вперед интегрировав в обществоведческий лексикон понятие «перешитка» (с. 42). Классическая европейская антропология противопоставляла «цивилизации» «дикость» и «варварство». Концепты «дикости», «варварства» с одной стороны и «высоко стоящего общества» с другой прочно вошли не только в тезаурус европейской антропологии, но и российских обще-

ственных наук (Энгельке, 2024, с. 238). Обозначаемые как «дикость» и «варварство» социоформаты тоже имели свои культуры и технологии: в период «дикости», например, возник миф (Тэйлор, 1939, с. 238). Несмотря на это, на страницах трудов старых антропологий они всегда остаются в положении «недо». Отвечая «эволюционистской» антропологии, Энгельке присоединяется к Боасу. Это фактически означает, что вместо эволюционистской, «поступательной» логики предлагается логика «дифферанса», уникальности, различия. Как бы то ни было, «цивилизация» является одной из монументальных абстракций. В действительности за этой абстракцией стояли социальные «мегамашины», каждая из которых оперировала собственным набором аксиологических постулатов и формировала мифы о своих и чужих, «недо-» и полноценности. По поводу ценностей Энгельке заметил, что они обладают изменчивой природой (Энгельке, 2024, с. 104), превращая человека в особое животное, создающее смыслы. Последние не сводимы к пользе и функциям, но касаются некоего, пусть и смутного, «качества» жизни (с. 111). В конце концов, за ценности люди готовы терпеть лишения и страдать.

Одна из таких антропологических ценностей – ценность крови. Кровь и кровное родство позиционируется как наиболее прочная связь. Вера в высокую прочность и инвариантность этой связи оказывает амбивалентное психологическое воздействие: она успокаивает и придает уверенность, но усыпляет бдительность (с. 133). Кровная связь позиционируется в качестве субстрата отношений и кристаллизует микросоциумы. Удивительным образом жидкая ткань организма нагружена неподъемной семантикой и включена, помимо биофизиологических процессов, в социокультурные механизмы. Последние, разумеется, имеют дело не с биосубстратом, а с его многочисленными кодировками. Одна из таких – наиболее противоречивых – кодировок выражается в расовых доктринах. В частности, уже одна капля крови детерминирует расовую принадлежность и способна сделать человека «черным». Многочисленность т. н. «расовых классификаций» поражает воображение. Начиная с XVII в., продолжая «просвещенным», затем веком индустриализаций и, наконец, завершая XX в., различные представители интеллектуальных элит (даже Кант отметил на «расовом» поприще (Zhavoronkov & Salikov, 2018) внесли свой «вклад» в расовые антропологии (Fortney, 1977).

Подобно тому, как кровь буквально используется в социокультурных механизмах (субстрат родства, этнической и национальной принадлежности, братства и т. д.), молоко, по оценке Энгельке, тоже интегрировано в дискурсивные механики. Правда, «молоку» везет не столь сильно, и, очевидно, оно «уступает» крови (2024, с. 143). Тем не менее, как и кровь, оно выступает в качестве субстрата родства и братства. Резюме автора сводится к утверждению, что природу от культуры отличить совсем не просто (с. 155). Это действительно так: стоит вспомнить, например, меткий концепт Барта «натурализация» (1989, с. 289), выражающий превращение истории в природу

средствами вторичной семиотической системы. Проще говоря, дискурсу выгодно казаться проводником естественности, выразить нечто «само собой разумеющееся», «предустановленное».

Раскрывая тематику идентичности, Энгельке отмечает мейнстримное внимание к этому концепту с 80-х гг. прошлого столетия (2024, с. 157). Популяризация темы произошла в связи с развитием социальных государств, демократизацией и распространением либерализма. Человек стал позиционировать себя как личность, наделенная широкими правами и неограниченными возможностями. Западные философии укрепляли веру человека в собственную исключительность. В частности, гуманизм Э. Фромма постулировал, что человек «рожден уникальным существом, имеющим в самом себе все потенциальные возможности» (Фромм, 2006, с. 565). Глобализационные процессы, как известно, скорректировали тему идентичности, изменив ситуацию на мировой шахматной доске: многочисленные народности, племена, этносы и нации почувствовали реальную угрозу в адрес самоопределения. Формировалась цивилизаторская сила, способная «определить» человека за него самого. Концепт идентичности, исторически появившийся в западной культуре, неразрывно связан с идеологией аутентичности. Это убеждение, очевидно, имеет эссенциалистский бэкграунд. Язык при этом служит выражением некоей «неотъемлемой» природы индивида / общности. Доминирующие языки – в первую очередь, английский – реализуют экспансионистскую политику, оперируя множеством идентификаторов. Из сказанного не следует, что язык, не имеющий статуса гегемона, не притязает на экспансию (Энгельке, 2024, с. 176). Концепт идентичности, как уже было сказано, не исчез, но подход к нему начал корректироваться в XXI в. По оценке Энгельке, возникает «перформативный» подход, учитывающий (по крайней мере, пытающийся учитывать) богатство оттенков природ и культур. На доктринальном уровне автор перефразирует Малиновского: из «осмыслить мировоззрение туземца» задача антрополога превращается в «мы должны осмыслить мировоззрения туземцев» (с. 185). В конце концов в антропологии кристаллизуется специфическая позиция, которую мы подобно обсуждали в статье о постгуманизме. Ее выразителем от антропологии стал Э. де Кастру, критиковавший экспансию человекоцентрической идеологии в науке. Обратной стороной гуманоцентризма стали иерархии животного / низкого и человеческого / высокого, а мир был принудительно разделен субъект-объектной парадигмой (с. 234). Постгуманистическая оптика предполагает, что антропология должна впускать иное и чужое, допускать «чудо». Цитируя самого де Кастру, дело не в том, что когнитивные процессы индейцев существенно отличаются от «наших», а в том, что их концепты другие. Следовательно, мир, фиксируемый индейскими концептами, априори и апостериори другой, не существует некоей «нашей» и «общей» природы (Скэфиш & Де Кастру, 2022, с. 68). При этом цель антропологических исследований не сводится к каталогизации уникального –

необходимо стремиться осторожно, бережно объяснять различия. Быть антропологом сегодня (и, следовательно, думать как антрополог) значит для Энгельке смотреть на поведение других без страха и обвинений.

Судьба книжных магазинов

Тематика платформенной алгоритмизации и капиталистического монополизма, развиваемая Фишером и Ловинком, раскрывается в унисон, при очевидных различиях в конкретных тезисах. По меньшей мере, эти книги явно коррелируют. На первый взгляд, «Вымышленные библиотеки» Хорхе Карриона выбивается из книжной линейки. Каррион – критик и писатель, преподаватель литературы и писательского мастерства, известный в России благодаря «Книжным магазинам». Это небольшой сборник эссе на темы книг, писательского дела, публикации, руководства библиотеками и бизнеса в «аналоговых» магазинчиках. Сборник издавался “Ad Marginem”, в 2024 г. вышло переиздание. При более внимательном взгляде выясняется, что разговоры о Цвейге и букинистических лавочках ведутся как об акциденциях книжной культуры. «Книжный магазин» и «Библиотека» романтически предстают в качестве божественных ликов (и пусть речь идет о Янусе (Каррион, 2024b)). По сути, автор предлагает читателям собственную маршрутную карту по малым экзотическим утопиям – книжному столичной Гватемалы, мадридскому магазину, позднее по Афинам. Попутно Каррион сопоставляет лики Януса, определяя библиотеку как стабильность и постоянство, хранение, а книжные лавки через временность, подвижность, распространение, конфликт между старым и новым (с. 46).

Пафос утопии классических «аналоговых» пространств сохранился и в новой книге «Вымышленные библиотеки», идейным локомотивом которой служит эссе “Contra Amazon”. Если в «Книжных магазинах» нападение на «Амазон» состоялось уже в начале сборника эссе, то в «Вымышленных библиотеках» оно тщательно готовится, планируется и выражается уже манифестом, резюмирующим «основную» часть книги. В лучших традициях картезианской мемуаристики, микшированной с философским трактатом, Каррион начал книгу с «автобиографического» этюда распаковки собственной библиотеки. В этом рассказе, повествующем о библиотечной социализации, просматриваются похожие черты традиционного сторителлинга. Герой просто обязан быть каким-то особенным, а его особенность, в свою очередь, имеет генетический характер, формируется с детства. Ввиду бережного хранения и приумножения постепенно вызревавших способностей, дискурсивная фигура героя становится цельной: представить, что герой (Конфуций в дискурсе китайского скульптора) может склонить голову или согнуть спину, практически невозможно (Чжо Госэнь, 2009, с. 266). Похожий стиль повествования воспроизводит и Каррион, заявляя, что многие дети, в отличие от него, вели себя в библиотеке скверно и находились под прицелом у сотрудников (2024а, с. 18). Около десятка

страниц первого эссе Каррион посвящает философии библиотеки, метафорически называя ее «театром воспоминаний», инсценировкой личного и коллективного прошлого (цитирование Филиппа Блома (с. 25)).

Солидную часть книги занимают размышления и воспоминания о Борхесе. Серию анамнезов открывает воспоминание о специфическом расположении могилы рядом с надгробием проститутке и продолжается гимном Борхесу-творцу, незаурядному читателю и автору (с. 29). Память о нем, как и о любой другой легенде, формируется из разнообразных источников, обрывков, цитат. Неоспоримую важность, как полагает Каррион, имеет дневник Касареса, передающий трагизм последнего телефонного разговора с Борхесом (с. 38). Основное эссе о легендарном библиотекаре заканчивается текстом на почтовой открытке, где Борхес пишет «дорогой маме» о том, как он был восхищен «поистине таинственной» церемонией посвящения в библиотеке. Посвятили его в члены Национального института искусств и литературы (с. 39).

Говоря о литературном эклектизме «Вымышленных библиотек», нельзя не упомянуть об интервью с директором Национальной библиотеки Аргентины. Оно открывается ссылкой на Борхеса – Каррион называет писателя «символическим», «универсальным» директором и, более того, воплощением библиотеки как таковой (с. 45). Это не последнее появление фигуры Борхеса на страницах книги, но определенно самое яркое. Дело в том, что фигура писателя фактически обожествлена, она стала центром несоразмерных феноменов – книжной культуры, библиотеки и т. д. Выбывающееся по формату, интервью, тем не менее, соответствует идее книги, если считать таковой символизацию книжных пространств и фигур. Каррион брал интервью у аргентинца Мангеля, потому что тот знал Борхеса. Мангель вспоминал, как легендарный библиотекарь заходил в магазинчик, покупал что-то и просил, чтобы ему почитали вслух (с. 47). В разговоре с директором четко видны два контрапункта: критика молодежи с сопутствующей идеализацией ретроспективы и периферийная атака “Amazon”. Классические интерьеры книжных, общение с продавцами, обмен репликами, выражающими вкусы и предпочтения, – все это превращает книжные магазины в своего рода «микроутопии», пространства сворачивающихся личных контактов с вещами и судьбами. В завершение разговора директор попадает в ловушку дискурса событийной экспертной футурологии. Он спрашивает директора, известно ли ему что-нибудь о проекте библиотеки на Огненной Земле, и какая книга непременно должна оказаться в этой библиотеке. Директор выразил надежду, что проект будет реализован, так как он в нем очень заинтересован. По его мнению, нельзя будет обойтись без романа Жюль Верна (с. 60). Авторская попытка найти в лице директора «источник» референтной информации, естественно, терпит поражение как минимум в виду дальности обсуждаемого объекта и экзотики всей ситуации.

Главное эссе (опять же напоминающее о битве с финальным «боссом») дало подзаголовок всей книге и было связано с символическим выступлением против известного интернет-гиганта. Каррион формулирует ряд претензий, среди которых «символическая экспроприация» аналоговых пространств, роботизация и алгоритмизация труда, экономическая детерминация всех операций, корпоративный империализм, скрытая манипуляция пользовательскими данными (в это время на авансцену выходит дешевизна товара). Фактически Карриона раздражает стирание границ между вещами, обращенными в предметы манипуляций. Платформа представляется ему пространством бесконечных реконфигураций вещных пространств и калейдоскопией, изоморфной аналоговой «складской» политике. Цитируя «Библиотеки», — на складах “Amazon” книги соседствуют с самокатами и тостерами. Иными словами, Карриона возмущает то обстоятельство, что гигант торговли не проводит границ между вещами и превращает их в почти гомогенные средства для дохода (с. 185). За критикой редукции вещей к прибыли (что, в общем, типично для капитализма) видна философско-антропологическая «настроенность» Карриона — он боится тотальной угрозы в адрес субъектности, самости человека и в отношении ко всем субъектообразующим способностям (прежде всего, выбирать и нести ответственность, рефлексировать).

Как и Ловинк, Каррион резюмирует небольшим «рецептурным» пассажем. Под лозунгом «присвоения логики “Amazon”» автор предлагает не торопиться с исполнением желаний. Платформенные алгоритмы, разумеется, настоятельно рекомендуют обратное: воплоти желание и «переходи» к другому. Обстоятельный выбор в книжном магазине, предполагающий первое знакомство с книгой, принципиально отличается от незначительного набора кликов (с. 191). Правда, градус «левого» пафоса у Карриона существенно понижен. Если Ловинк призывает участвовать в техносоциальном движении «Исход» и к бескомпромиссной позиции, то Каррион сознается в регулярных потребительских практиках и отношениях с платформами. «Соппротивление в малых делах» — таков лозунг, резюмирующий эклектизм «Вымышленных библиотек» (с. 192).

Капитализм и проблема его границ

Лекционный курс Марка Фишера не был завершен в связи с трагическим событием 2017 г. Фишер не справился с депрессией и совершил самоубийство. По оценке “The Guardian”, блогер, культуролог и музыковед (все это известные «ипостаси» Фишера) вполне откровенно писал о длительной борьбе с депрессией в своей знаковой книге «Капиталистический реализм: существует ли альтернатива?» (“Capitalist Realism: is There No Alternative?”). По-видимому, ключевыми факторами депрессии были не только психофизиологические процессы, но и ощущение безысходности от непроницаемости границ капитализма. Не случайно вторая часть названия выражена вопросом. Стоит

признать, что на него совсем не просто ответить. Либо, напротив, все как будто слишком очевидно – ответ может быть отрицательным, фиксирующим тотальность капитализма, или положительным, апеллирующим к марксизму-ленинизму и известным социалистическим / коммунистическим концептам и метафорике «царства свободы». По сути, решение проблемы альтернативы и границ капитализма является стержнеобразующим в лекционном курсе «Посткапиталистическое желание». Сам Фишер и некоторые исследователи наряду с ним уверенно оперировали термином «посткапитализм»: к тому времени, как интеллектуал начал читать учебный курс, концепт интенсивно циркулировал в нон-фикшн.

Курс открывается планом, фиксирующим солидную учебную источниковую базу. Фишер хотел обсудить не только работы современников (Зубофф, Срничека и др.), но и видных представителей мировой философской мысли типа Лукача и Лиотара. Фактически небольшую книгу составляют пять лекций с тезисами Фишера, вопросами и комментариями аудитории, реакциями лектора. Авторский подход к тезисам о тотальности капитализма – точнее, к дискурсам тотализации, – выражается критикой скрытых нарративов. Это означает, что, по Фишеру, капитализм позаботился об идеологической подкладке даже под самые непримиримые критические выпады. Антикапиталистические протесты как будто лживы в своей основе, прежде всего потому, что прибегают к капиталистическим благам. Монетизированные товары и услуги не только используются в качестве оборотных средств, но и мерцают на горизонте как цели, стимулируя безудержное желание обладать. Не случайно Дьердь Лукач утверждал, что «капитал реальнее буржуазии» (Фишер, 2024, с. 119). Буржуазия слишком сильно зависит от контекстов – исторического, политических, экономических, культурных условий. Капитал растет и циркулирует, буквально используя буржуазию (с. 119). По Фишеру, тотализация капитала выражается не только властью корпораций, но и психологией «человека капиталистического». В качестве иллюстрации лектор воспроизвел личную историю: когда Фишер начал работать в системе дополнительного образования и познакомился с коллегами, «эйч ар» заявила, что сотрудники не могут «бесцеремонно» сидеть в пабе и болтать друг с другом. Обстоятельство свободного времени, по-видимому, не являлось оправданием для подобного поведения. Из этого кейса лектор сделал вывод, что для формирования классового сознания необходим диалог. Задача капитала (и не важно, чьими руками он это делает) разобщить сознания, вытравить практики внутрuderной кооперативности, навязав при этом каждому роль потребителя (с. 126). Обобщая, можно сказать, что капитализм за вывеской неограниченных возможностей на самом деле сдерживает возможности сознания (с. 127). Прежде всего, это касается форм коллективизации, реального сообщения, диалога и т. д. Верное средство для борьбы с «коллективностями» – это нечто «достающее» человека в любой точке. Разумеется, все мы понимаем, о чем

здесь идет речь. Подробнее о феномене гаджетизации, алгоритмах и платформах скажет нидерландский медиатеоретик Герт Ловинк.

Как уже было сказано, читатель не увидит завершенности, однако в рамках пятой (и в силу трагической причины, последней) темы Фишер попытался нанести урон финальному «боссу» Лиотару и его философской фигуре либидинального Маркса. Параллель с платформером не случайна: в течение четырёх лекций Фишер готовил аудиторию к встрече с адептом Постмодерна и пообещал аудитории кровопролитную битву. Книга Лиотара «Либидинальная экономика», как говорил Фишер, вызывает противоречивые суждения, и нередко ее называли «злой» (с. 54). В данном случае дело не в аморализме автора или деструктивном содержании публикации, а в ситуации безысходности, провоцируемой тезисами о тотальности, об отсутствии пространства «за» капитализмом, некоего «докапиталистического вовне». В частности, Лиотар уверенно говорит о том, что рабочие желали капитализма (с. 165). Конкретно говоря, нет такого царства советов, где люди не хотели бы “Levi’s” (с. 181). Что касается известных борцов с капитализмом (прежде всего, Маркса), Лиотар препарирует их «подлинные» намерения. В дискурсе Лиотара Маркс раздваивается, подобно персонажу Стивенсона. Он одновременно становится прокурором, обвиняющим капитализм во всех смертных грехах, и заигрывающей с капиталом девочкой. Лиотар полагал, что дело не будет закрыто, Маркс будет вести его вечно (с. 177). И Маркс, и пролетариат находятся внутри капитализма, и не существует никакого «капиталистического вовне». Ненависть Лиотара к «антикапиталистическим» дискурсам обусловлена тем, что они игнорируют капиталистическое желание (с. 188). По сути, «анти» превращается в популистскую ширму для реализации личных и вполне капиталистических намерений отдельных агентов. Книга завершается интерпретацией «либидинального» марксизма – по сути, первичной реакцией на концепт Лиотара. Невзирая на незавершенность книги, к ней можно отнести как в поводу для размышлений об онтологии, аксиологии и, в конце концов, антропологии капитализма.

Топология сетей и платформ

Имя Герта Ловинка в российской интеллектуальной среде постепенно набирает популярность. Прежде всего это связано с его исследовательской деятельностью – критикой новых медиа и социальных реалий, образующих в пересечениях с технологиями трудно распутываемый клубок противоречий. Российский читатель может знать идеи Ловинка по книге «Критическая теория интернета», опубликованной “Ad Marginem” в 2019 г. В предисловии переводчик Дмитрий Лебедев лаконично назвал сорокалетнюю личную историю Ловинка «медиа-активизмом». Высшей точкой этой истории стала организация The Institute of Network Cultures, INC в 2004 г. Миссия института заключается в аналитике и формировании ландшафта сетевых культур. Помимо публи-

кации научных трудов, сотрудники INC разрабатывают «альтернативные модели доходов», занимаются «критическим проектированием» и формируют, по их признанию, «цифровую контркультуру»¹. Фактически институт является объединением научной и творческой интеллигенции. Исходный тезис институциональной парадигмы гласит, что интернет является комплексным «предметом», а его исследование с необходимостью предполагает координацию различных областей и направлений – философии, урбанистики, социологии, дизайна, IT и т. д. Иными словами, исторически появившийся в ARPA и впоследствии преобразованный, интернет рассматривается «всерьез», в качестве трансформирующей(ся) среды, пространства перманентной циркуляции картин мира, парадигм, мнений. Краткое “About” на сайте института содержит следующий тезис: сетевые культуры стремительно организуются и столь же стремительно могут исчезнуть, вызывая ощущение спонтанности и неопределенности. Но мы здесь для того, чтобы эти формы сохранились. Как бы то ни было, сотрудничество является основой сетевых культур. В этом тезисе четко видна аксиология амстердамских интеллектуалов: фундированные сотрудничеством сетевые взаимодействия находятся под угрозой исчезновения.

Новая книга Ловинка «В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет» называет главного антагониста сетевых культур. Публикация представляет собой сборник эссе, написанных во время пандемии. Пафос «В плену у платформы» направлен против экономических гигантов, участвующих в перераспределении всех символических интернет-ресурсов и капитала (клики, лайки, переводы, счета, комментарии и т. д.) в свою пользу и фактически аннигилировавших сетевые культуры. Точнее, последние откатились назад и тем самым, кажется, обрели ореол революционной романтики и андеграунда.

Платформы жестко противопоставляются сетям по нескольким критериям: архитектурному, алгоритмическому, координационному и другим. Разумеется, ключевые критерии дифференциации косвенно касаются технологического порядка и, по существу, являются антропологическими и экзистенциальными, связанными с темой субъектности. Платформы задают рамки и детерминируют так называемую иллюзию выбора. Алгоритмизация освобождает человека от самостоятельной, авторской последовательности действий. Протоколы платформ задают диапазон допустимых функций и возможностей, как бы «подсказывая» решения. Как известно, это «слабое место», в которое традиционно бьют критики «надзорного капитализма» (Зубофф, 2022) и «капитализма платформ» (Срничек, 2019). Современный капиталистический способ производства, разумеется, не собирается расставаться с эксплуататорской политикой. Однако в фокусе пристального внимания капитализма теперь находятся данные – специфическое сырье, потеснившее традиционные

---

1 <https://networkcultures.org/about/>

ресурсы. Именно данные «учат» алгоритмы «правильной» работе (Хумарян, 2019).

Сеть, напротив, обладает открытой динамической архитектурой и интерпретируется как интенсивная сборка, с многочисленными каналами и импульсами. В онтологии сети и платформы своя специфика, однако «левый» дискурс сосредоточивается преимущественно на их социальных эффектах, оперируя собственным тезаурусом. Подобно тому, как Ницше объявил о смерти бога, Фуко и Барт о смерти субъекта и автора соответственно, Ловинк исполнил реквием по сетям (2024, с. 49). Событие «смерти сетей» он назвал эпохальной трагедией, случившейся – фактически цитирую – по вине «лентяев», не имеющих «ясных целей» и «интереса». Ситуацией с похоронами немедленно воспользовались централизирующие игроки. Сегодня в качестве крупных агентов, монополизирующих интернет, выступают не только «утомленные гиганты из плоти и стали», как в декларации Джона Барлоу (2004, с. 349), но и медиаконгломераты.

За перераспределением влияния в интернете последовали языковые пертурбации, связанные буквально с аннигиляцией термина “network” из серьезных критических дискурсов. Еще одним тормозом в распространении сетевого «андеграунда», самой идеи привлекательности сети являются отвлекающие от сути дела тактики. В частности, Ловинк напряженно относится к т. н. digital/electronic detox, называя эти практики банальными (2024, с. 51). Вычлняя признаки сетей и платформ в «левом» дискурсе, нельзя не обратиться к бинарным оппозициям, которые хоть и редуцируют картину, но вполне соответствуют пафосу левых цифровых дискурсов. Сама идея столкновения сети и платформы не предполагает, по версии Ловинка, действие диалектического закона и перспективное снятие антагонизма. Скорее, ситуация выглядит как у Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток».

Децентрализация и распределение против централизации и собирания, активная самостоятельность как доминирующий род практики против пассивной абсорбции, низовая организация против организации сверху, отсутствие алгоритмизации против тотальности алгоритма, самодельный интерфейс против «блестящего» интерфейса, демократия против тоталитаризма (с. 54), свобода против капитала, конкуренция против монополии (с. 94). Ограничение множества бинарных напряженностей теми, что были указаны, несостоятельно по одной причине: в таком случае платформы однозначно «демонизируются», а рост их влияния становится парадоксальным. До того, как столкнут платформы и сети в воображаемой дискурсивной битве и «разгромить» платформы (разумеется, на уровне дискурса), Ловинк оговаривается, что сети «устрашают» своей сложностью, препятствуют пониманию происходящих процессов, «неоднозначны» и «открыты» (с. 52).

Вопрос о том, как сбежать от платформ, для Ловинка имеет первостепенную важность. Ответ предваряется главами о «сетевом регрессе», пребывании в зоне комфорта и констатацией (со ссылками на авторов) едва ли не всех форм деградации – социальной, культурной, антропологической и т. д.: мы взаперти и путь к бесконечности нам закрыт, люди не хотят признавать правду о себе, мы переживаем состояние когнитивного регресса, болезнь пользователей – усталость от принятия решений, люди заперты в социальной тюрьме, мы превратились в массивы данных (с. 91). Борьба с днем сурка и стремление оказаться за кадром затянувшегося «шоу Трумана» привели Ловинка к формулировке альтернативных программных принципов («стективизм»), призванных поменять технологические стандарты интернета. Левый дискурс автора на мгновение «исчезает», когда он призывает к реализации «гегельянской» миссии по тотализации инфопространства. При этом автор хочет избежать последствий тотальности – изоляции (закрытости) и «огораживания», связанного с аннексиями и присвоением. Стек, по оценке Ловинка, должен быть цельным и законченным, прочно объединять протоколы, интерфейсы, маршрутизаторы, кабели, антенны, контент, теги (с. 181). Короче, стек – это синтез сетевой архитектуры и hardware. Из всего этого синтеза для Ловинка особенно важны, по всей видимости, протоколы. Имманентное свойство стека – открытость, детерминированная несовершенством дизайна. Гипотетический образ “WikiLeaks” без «селебрити» представляет, по Ловинку, наиболее важные черты сетевой культуры.

Что касается критической части книги, то она изобилует цитатами, ссылками на левых интеллектуалов и содержит кодификацию бинарных оппозиций. «Конструктивная» часть книги, связанная с социально-политическими мероприятиями, на порядок скромнее и включает в себя описание стека (опять же с попутной критикой некоторых концепций), а также формулировку базовых принципов «стективизма». Подобно Марксу и Энгельсу, Ловинк составил перечень необходимых мероприятий – от требующих персонального ресурса до предполагающих основательную социальную организованность. Автор предлагает собираться в закрытых чатах Telegram или Mastodon и освободиться от платформ. Первичные мероприятия – индивидуальные «исходы», связанные с отключением уведомлений. Пользователь поймет, что его больше не отвлекают приложения. Аккаунты будут заброшены, а пароли забыты. Ловинк грезит созданием техносоциального движения «Исход», объединяющего настроения ополчившихся против платформ масс. Массовое движение станет важнейшим мероприятием в ряду кампаний по разрушению монопольных платформ. За этим последует подготовка к перестройке интернета как общественной инфраструктуры. Корпорации мешают демократизации интернета, а потому всеми силами их потребуется исключить: “Google”;

“Facebook**¹” и других гигантов необходимо ликвидировать. У Ловинка это называется «дворцовым переворотом». Вслед за переворотом возникнет децентрализованная федеративная сеть, а серверы будут возвращены народу. Последний тезис не является выражением иронии рецензента, – напротив, это аллюзия самого Ловинка. Возвращение серверов станет отправной точкой для создания новых локальностей, онлайн-встреч с другими в духе гостеприимства и уважения. Апеллируя к Юку Хуэю (2023), Ловинк призывает к объединению ради создания космотехники будущего (2024, с. 209).

Новый взгляд на архитектуру

Книга, завершающая серию «Точка», принадлежит Беатрис Коломине (Beatriz Colomina), историку архитектуры и куратору. Она основатель и директор специальной образовательной программы Принстонского университета. Программа буквально посвящена медиа и современности. Коломина является автором ряда исследований (“Manifesto Architecture: The Ghost of Mies”, “Domesticity at War” и др.). В России издана одна книга – «Публичное и приватное. Архитектура как массмедиа». Книга Коломины интересна, прежде всего, авторской интерпретацией архитектуры. Нельзя сказать, что такая интерпретация совершенно уникальна: например, еще в 2010 г. Мохсен (Ashraf Mohsen) оперировал концептом «медиафасада», синтезирующего медийные проекции и классическую «музыку в камне». Средневековые постройки благодаря витражам давали обратную проекцию, то есть выступали буквально «проекторами». Использование стен для электронных таблоидов и скринов интенсивно практикуется сегодня – так стена выступает средством, благодаря которому проекции возвышаются над массами. Классический пример из искусства – «Бегущий по лезвию» и киберпанк как таковой (Mohsen & Zaid, 2010). В некоторых публикациях архитектура, что закономерно, рассматривается как объект медиа. В частности, сюда относятся социальные движения, ориентированные на облагораживания территорий, реставрацию культурных памятников, переорганизацию заброшенных архитектурных пространств и т. д. (Montserrat-Gauchí, Novo-Domínguez & Torres-Valdés, 2019). Благодаря реставрациям и реконструкциям архитектурные объекты попадают в СМИ и привлекают внимание публики.

Интерпретация Коломины в имеющемся контексте является особенной. Автор рассматривает архитектуру не в пассивно-объектном режиме и не в качестве предмета трансляции медиаканалов, но как медиаканал. Архитектура в этом смысле «самодостаточна» и всегда несет месседж, зависящий как от потребительских восприятий, так и от авторских замыслов. Несмотря на «традиционализм» предмета исследования, Коломина не говорит об архитектуре как о «музыке в камне» и не конструирует возвышенных искусствоведче-

1 Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации (далее в тексте данное лицо или организация будут обозначены значком **)

ских метанарративов. В фокусе внимания автора архитектура оказывается «рядоположенной» вместе с другими медиа и прежде всего фотографией. Иными словами, архитектура репрезентативна, транслирует нечто значимое и канализирует социокультурные и антропологические смыслы. Не случайно автор вводит читателя в тему с помощью конкретных кейсов: она в деталях говорит об идеях Лооса, Хоффмана и Ле Корбюзье, включает в книгу пассажи о фотографии и железных дорогах. Все это существенно понижает градус абстрактности текста и делает его доступным для различных специалистов и широкого круга читателей. По оценке Коломины, (не)очевидное значение железной дороги с почти синхронным появлением фототехнологии заключается в трансформации восприятия мира: проплывающие «мимо» окна поезда ландшафты подобны выставочным картинам (2024, с. 49). Философия железной дороги резюмирована тезисом о трансформации места, которое лишается полноты своих уникальных свойств и превращается в «антиместо» – по сути, в точку маршрута. Очевидно, что текучая граница – железная «артерия» – переопределила категории внутреннего и внешнего. Коломина полагает, что фотография сделала с архитектурой примерно то же, что железные дороги с городами. Архитектура превратилась в товар, эстетически оцениваемые «фасады», тиражируемые на страницах популярных журналов. В виду этого обстоятельства Лоос критично относился к трансляционному потенциалу фотографии, запутывающей механику восприятия пространств. Сам архитектор, например, был убежден, что площадь Зитте необходимо воспринимать «изнутри» и постепенно двигаться «наружу». Шедевры архитектуры Хоффмана, напротив, рассчитаны на противоположную логику перцепции. В этом смысле фотография играет на стороне такой архитектуры и создает флер воздушности, загадки (зритель видит изображение макета или репрезентацию реальной постройки?). Привлеченный дискурсивный бэкграунд с периодическими ссылками на оригинальные авторские идеи формирует пространство для дискуссии. Если архитектура имеет медийную природу, то это не означает, что мы имеем дело с каким-то «очередным» каналом трансляции. Адольф Лоос, например, декларативно различал искусство и архитектуру на основе бинаризма революционности / консерватизма (с. 62). Искусство вырывает человека из зоны комфорта, лишает привычного уюта, стимулирует спонтанные воспоминания. Архитектура, напротив, формирует уют. По Лоосу, только надгробия и памятники имеют отношение к искусству. Хоффман, напротив, не проводил подобных водоразделов и прямо ориентировал архитектуру на массовое восприятие. Каждая деталь архитектурных изысков Хоффмана декорирована и как бы «выставлена» на обозрение (с. 64).

Основной фигурой книги является легендарный Ле Корбюзье. Его архитектурное наследие выходит далеко за границы отдельных зданий и де-факто касается традиционной демаркации частного и публичного. По оценке А. Рабача, Корбюзье «расчленил» город и подорвал обычные городские

пространства (2016, р. 110). Коломина не ставит задачу «оценить» абстрактный культурный вклад архитектора, так как это уже многократно делали. Не ставится и задача искусствоведческого обзора. Автор пытается понять специфику и механизмы пересечения различных медиа в творчестве архитектора. Глядя на фото, человек верит в то, что видит многомерное пространство. Рисуя по фотографии, что делал и Ле Корбюзье, человек осуществляет специфическую колонизацию, как бы «вторгается» в пространство (Коломина, 2024, с. 79). Согласно Коломине, перерисовка может быть вариацией «терпеливого исследования» и способом размыкания закрытого объекта, попыткой освоения и присвоения (с. 84). Вероятно, механика фотоискусства повлияла на известный архитектурный штрих Ле Корбюзье, не понятый его собственным учителем, – горизонтально ориентированное окно. Коломина детально описывает разгоревшуюся в 20-х полемику, в которой, разумеется, каждая сторона имела веские аргументы: представители старой школы апеллировали к восприятию «полного» пространства, так как улица, сад, земля и небо вместе «обеспечивали» целостное восприятие (с. 100); Ле Корбюзье, напротив, был сторонником «картинной» фронтальности. В отличие от философских апелляций своего учителя, Ле Корбюзье использовал научно-технологические аргументы и прежде всего аргумент об освещенности. Впрочем, для доказательства своего тезиса архитектор использовал фототаблицу (с. 104). Получался странный для традиционалистского взгляда эффект наблюдения и съемки, которая производилась «из» дома, буквально выхватывая части реальности. В конечном счете горизонтальное окно эволюционировало до «ленточного» окна с секциями (собственно, такие окна сегодня известны каждому), симультанного механическому «глазу» и диафильмам, некоторой последовательности кадров (с. 108). Автор небезосновательно полагает, что Ле Корбюзье отлично знал, как работают массмедиа и для чего они могут пригодиться. В связи с этим архитектор прибегал к тактикам интеграции архитектуры в медиа и медиа в архитектуру. Особенно, а точнее, коммерческое, значение имели реклама и отношения с промышленниками (с. 137). Тема взаимодействия архитектуры и рекламы вряд ли нуждается в развертке.

Традиционному взгляду на архитектуру как на совокупность функциональных и эстетических пространств («жилище», «сооружение», «достопримечательность») Коломина противопоставляет идею порождающей и, следовательно, динамической, активной архитектуры. Она не является «платформой» для размещения субъекта. Можно сказать, что архитектура – это механизм обзора, порождающий субъектные практики. В некотором смысле, она «опережает» субъектность (с. 168). В отличие от Лооса, «традиционного» архитектора, демаркировавшего интерьер и экстерьер, Корбюзье «перепутал» эти категории, точнее, способствовал их диффузии (с. 221). В результате экстерьер «предначертан» в интерьере, фактически дан на каком-то «призрачном» уровне. Окно, подобно экрану, разрушает стену между внешним и внутренним,

сводя некогда устоявшееся деление пространств к фикции. Парадоксально, но архитектура – это стены, и вместе с тем стены дематериализуются окнами, обладающими обоюдной проводимостью некогда разделенных пространств.

Заключение

История западных и вестернизированных философий в значительной степени является историей субъекта. На протяжении столетий субъект то одушевлял себя и располагал на метафизических вертикалях, то механизировал, редуцируя к телесности, и демонтировал идеалистические иерархии. В философии постмодерна, захватившей Запад во второй половине прошлого века, зачастую видят прямую угрозу традиционным ценностям, перформативность и пафос разрушения. Учитывая оценочные паттерны, сформированные в интеллектуальных сообществах, можно посмотреть на постмодерн и его постструктуралистские философии как на симптомы кризиса субъекта. Ранее эту кризисность фиксировали экзистенциалисты, Ницше и некоторые другие мыслители.

В контексте статьи нас интересуют не столько глубинные причины кризиса субъекта, сколько концептуальные последствия переосмысления его статуса и роли. Бодрийяру в «Фатальных стратегиях» удалось лаконично и образно выразить мысль о «нищете объекта» и «блеске субъекта» (2017, с. 161). Стиль бодрийяровской пропозиции в некотором смысле перформативно-скандальный, но вместе с тем тезис суммирует устойчивые субъектоцентрические тенденции. Что касается объекта, то в диалектике господина и раба ему обычно принадлежит роль последнего – «не понятого», «проституированного», «позорного» (с. 161). По сути, единственная перспектива объекта – стать субъектом, или, по выражению Бодрийяра, «преображение» (с. 161). Из-за того, что субъект не способен взять на себя полную ответственность за власть, знание, историю или даже, продолжу за Бодрийяра, конкретное произведение, позиция субъекта перестала быть хоть сколько-нибудь состоятельной (с. 163).

На концептуально-философском уровне констатация Барта, очевидно, подтверждается: субъект и его аватары («автор», «творец», «ученый» и т. д.) сделали «меньше ростом» (1989, с. 387). Сквозь призму бинарных оппозиций можно увидеть, что объект «вырос». Субъект отступил и тем самым как будто передал объекту инициативу для экспансии. Линия фронта сместилась в сторону субъекта, еще удерживающего отдельные аванпосты. Диалектический схематизм редуцирует отношения между оппозициями, превращая и отношения в вариацию театра военных действий. Субъект сегодня совершает акты садизма, что четко видно на кейсах отношений к животным. В реальности эти отношения выражаются в форме буллинга и коллективного порицания.

Предыдущая рецензия была посвящена серии постгуманистической нон-фикшн, и в рамках статьи я в деталях обрисовал свое отношение к проблематике постгуманизма, который (по крайней мере, упомянутые издания)

не призывает ни к уничтожению человека, ни к демонтажу его уникальности. Моральная максима постгуманистической философии фокусируется на внимании к другому и иному, на альтернативных формах жизни. Забота (позволю себе использовать экзистенциалистский концепт) о другом могла бы стать и реально является панацеей от нарциссической ориентации субъекта. Параллельно наблюдению за мхами, «бердингу», изучению леса, аборигенных культур, экологической ориентации, субъекту необходимо пересмотреть некоторые установки дискурсивных практик и, прежде всего, антропологического дискурса. «Очевидные» и исторически фундированные концепты «расы», «крови», «цивилизации», «ценности» и т. д. долго время работали на иерархическую картину мира. Последняя фиксировала разные значимости и на этом основании оправдывала те или иные форматы репрессивности. Помимо антропологических концептов, формирующих идентичности человека и субъекта, контрастирующее воздействие на антропосоциосреду оказывает капитализм, а точнее, его конкретные тенденции – платформизация, культы потребления, экономическая цензура, кризис сетевых онтологий, высокий удельный вес корпораций. Капиталистическое желание отныне стало равняться желанию как таковому, и вне капитализма, по свидетельству некоторых философий, нет никаких пространств. Стоит ли ради этого отказываться от альтернативных и неустойчивых сборок? Тотализация капитала вкупе с технологиями создала гигантские платформенные рынки, сокращающие аналоговые пространства. Разумеется, это провоцирует ностальгию. Однако задача критических дискурсов не превращать ностальгию в ценность и цель, а отталкиваться от нее во имя формирования альтернативы – новых научных тезаурусов, социальных сетей, не прикрывающих платформенные алгоритмы, призыва к балансу в отношении к цифровым и аналоговым пространствам, новый взгляд на привычный и дискурсивно обработанный мир.

Список литературы

- Abdel-Mohsen, A., & M., Z. (2010). Architecture and Media – “Media Facades.” *The International Conference on Civil and Architecture Engineering*, 8(8), 1–13. <https://doi.org/10.21608/iccae.2010.44433>
- Fortney, N. D. (1977). The Anthropological Concept of Race. *Journal of Black Studies*, 8(1), 35–54. <https://doi.org/10.1177/002193477700800103>
- Monserrat-Gauchi, J., Novo-Domínguez, M., & Torres-Valdés, R. (2019). Interrelations between the Media and Architecture: Contribution to Sustainable Development and the Conservation of Urban Spaces. *Sustainability*, 11(20), 5631. <https://doi.org/10.3390/su11205631>
- Rabaça, A. (2016). Le Corbusier, the City, and the Modern Utopia of Dwelling. *Journal of Architecture and Urbanism*, 40(2), 110–120. <https://doi.org/10.3846/20297955.2016.1183529>
- Zhavoronkov, A., & Salikov, A. (2018). The Concept Of Race In Kant’S Lectures On Anthropology. *Contextos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 7, 275–292. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.1299140>

- Барлоу, Д. (2004). Декларация независимости киберпространства. В *Информационное общество: Сборник* (с. 349–352). АСТ.
- Барт, Р. (1989). Смерть автора. В *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* (с. 384–391). Прогресс.
- Бодрийяр, Ж. (2017). *Фатальные стратегии*. РИПОЛ классик.
- Зубофф, Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Издательство Института Гайдара.
- Каррион, Х. (2024a). *Вымышленные библиотеки*. Ад Маргинем Пресс.
- Каррион, Х. (2024b). *Книжные магазины*. Ад Маргинем Пресс.
- Коломина, Б. (2024). *Публичное и приватное. Архитектура как массмедиа*. Ад Маргинем Пресс.
- Ловинк, Г. (2024). *В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет*. Ад Маргинем Пресс.
- Скэфиш, П., & Де Кастру, Э. (2022). Метафизика людей экстрамодерна. О деколонизации мысли. Беседа с Эдуарду Вивейрушем Де Кастру. *Логос*, 32(2), 65–96.
<https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-2-65-95>
- Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Издательский Дом Высшей школы экономики.
<https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4>
- Тэйлор, Э. (1939). *Первобытная культура*. Государственное социально-экономическое издательство.
- Фишер, М. (2024). *Посткапиталистическое желание. Последние лекции*. Ад Маргинем Пресс.
- Фромм, Э. (2006). *Человек для себя*. АСТ.
- Хумарян, Д. (2019). “Капитализм платформ” Ника Срничека: Кризис – реакция – бум – кризис – и снова реакция. Что мы вообще знаем о цифровой экономике? *Экономическая социология*, 20(3), 164–179. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-164-179>
- Хуэй, Ю. (2023). *Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике*. Ад Маргинем Пресс.
- Чжо Госэнь, Ч. (2009). Художественно-творческий процесс создания скульптуры Конфуция. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 111, 261–270.
- Энгельке, М. (2024). *Думай как антрополог*. Ад Маргинем Пресс.

References

- Abdel-Mohsen, A., & M., Z. (2010). Architecture and Media–“Media Facades.” *The International Conference on Civil and Architecture Engineering*, 8(8), 1–13.
<https://doi.org/10.21608/iccae.2010.44433>
- Barlow, J. (2004). A Declaration of the Independence of Cyberspace. In *Information Society: Collection* (pp. 349–352). AST. (In Russian).
- Barthes, R. (1989). The Death of the Author. In *Selected works: Semiotics: Poetics* (с. 384–391). Progress. (In Russian).
- Baudrillard, J. (2017). *Fatal Strategies*. RIPOL Classic. (In Russian).
- Carrión, J. (2024a). *Imaginary Libraries*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Carrión, J. (2024b). *Bookshops*. Ad Marginem Press. (In Russian).

- Engelke, M. (2024). *How to Think Like an Anthropologist*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Fischer, M. (2024). *Post-Capitalist Desire. Latest Lectures*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Fortney, N. D. (1977). The Anthropological Concept of Race. *Journal of Black Studies*, 8(1), 35–54. <https://doi.org/10.1177/002193477700800103>
- Fromm, E. (2006). *A Person for Oneself*. AST. (In Russian).
- Hui, Y. (2023). *The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotechnics*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Khumaryan, D. (2019). Nick Srnicek's Platform Capitalism: Crisis – response – Boom – Crisis – and Response Again. What Do We know about the Digital Economy? *Journal of Economic Sociology*, 20(3), 164–179. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-164-179> (In Russian).
- Kolomina, B. (2024). *Public and Private. Architecture as Mass Media*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Lovink, G. (2024). *Stuck on the Platform: Reclaiming the Internet*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Monserrat-Gauchi, J., Novo-Domínguez, M., & Torres-Valdés, R. (2019). Interrelations between the Media and Architecture: Contribution to Sustainable Development and the Conservation of Urban Spaces. *Sustainability*, 11(20), 5631. <https://doi.org/10.3390/su11205631>
- Rabaça, A. (2016). Le Corbusier, the City, and the Modern Utopia of Dwelling. *Journal of Architecture and Urbanism*, 40(2), 110–120. <https://doi.org/10.3846/20297955.2016.1183529>
- Skafish, P., & de Castro, E. V. (2022). The Metaphysics of Extra-Moderns: On the Decolonization of Thought. A Conversation. *Philosophical Literary Journal Logos*, 32(2), 65–96. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-2-65-95> (In Russian).
- Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Higher School of Economics Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4> (In Russian).
- Taylor, E. (1939). *Primitive Culture*. State Socio-Economic Publishing House. (In Russian).
- Zhavoronkov, A., & Salikov, A. (2018). The Concept Of Race In Kant'S Lectures On Anthropology. *Contextos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 7, 275–292. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.1299140>
- Zhuo Guosen, Zh. G. (2009). Artistic Process of Creating a Sculpture of Confucius. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 111, 261–270. (In Russian).
- Zuboff, Sh. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).